

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1(09)«19»
doi 10.17072/2073-6681-2020-4-79-89

СВЕТСКОЕ И «ИЗЯЩНОЕ» ОБЩЕСТВО В РОМАНАХ И ОЧЕРКАХ И. А. ГОНЧАРОВА¹

Нина Леонидовна Ермолаева

д. филол. н., участник гранта

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

121069, Россия, г. Москва ул. Поварская, 25а. ninaermolaeva1@yandex.ru

SPIN-код: 6600-7972

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6759-3590>

Статья поступила в редакцию 06.07.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ермолаева Н. Л. Светское и «изящное» общество в романах и очерках И. А. Гончарова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 4. С. 79–89. doi 10.17072/2073-6681-2020-4-79-89

Please cite this article in English as:

Ermolaeva N. L. Svetskoe i «izyashchnoe» obshchestvo v romanakh i ocherkakh I. A. Goncharova [High Society in the Novels and Essays by I. A. Goncharov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 4, pp. 79–89. doi 10.17072/2073-6681-2020-4-79-89 (In Russ.)

В «Необыкновенной истории», написанной в середине 1870-х гг., Гончаров утверждал, что никогда не изображал светское общество по той причине, что не знал его. Однако все творчество Гончарова было посвящено дворянству и в большинстве произведений образ светского общества в том или ином качестве появляется. Интерес к свету для писателя-недворянина был закономерен по причине желания соответствовать облику светского человека, стремления продвинуться по служебной лестнице. В гончароведении до сих пор нет специального исследования, показывающего особенности понимания писателем света, эволюции его изображения и отношения к нему. В предлагаемой статье сделана попытка восполнить этот пробел. Автор статьи обращается к анализу не только эпических романов писателя, но и его очерков и статей, в которых позиция Гончарова выражена публицистически прозрачно. В результате сопоставления художественных произведений и публицистических высказываний писателя сделаны выводы о том, что в сознании Гончарова еще в конце 1840-х гг., кроме общепринятого представления о свете, сложилось и представление об идеальном обществе, которое он называл «избранным, изящным обществом», принадлежать к которому всегда стремился. В романах писателя очевидно негативное отношение к свету, как автора, так и его героев-идеалистов – Александра Адуева, Обломова, Райского, хотя альтернативы свету Гончаров не предлагает. «Избранное, изящное общество» писатель нашел на фрегате «Паллада». Оно объединяло в единую семью, в русский мир, светски воспитанных и профессионально образованных офицеров и простых матросов благодаря глубокому патриотическому чувству, честному исполнению своего долга, вере в Бога. В трудные для писателя 70-е годы он не оставляет веры в успех реформ Александра II, в возможность на пути их осуществления единения прогрессивно настроенных представителей света и демократического большинства.

Ключевые слова: И. А. Гончаров; светское общество; культура; личность; роман; очерк; статья; «русский мир»; национальное единство.

Вопрос об изображении светского общества в творчестве И. А. Гончарова в отечественном литературоведении специально не ставился, однако неизбежно затрагивался учеными в связи с характеристикой персонажей писателя в свете социальных, нравственных, психологических проблем и коллизий. Исследователей чаще всего удовлетворяла подтвержденная анализом текста констатация факта негативного отношения героя-идеалиста в романах (Александра Адуева, Обломова, Райского) к петербургскому свету, авторская ироническая или полуироническая его оценка [Цейтлин 1950; Пруцков 1962; Недзвецкий 1992; Отрадин 1994; Краснощёкова 1997]. Однако наше понимание Гончарова как художника, для которого на первом плане проблема культуры как общества в целом, так и человеческой личности, позволяет поставить вопрос о его отношении к светскому обществу как один из самых значительных, актуальных на всех этапах жизни и творчества. Обращение к нему требует привлечения текста очерков писателя, его статей, что даст возможность раскрыть эволюцию его мировоззрения: общественно-политических, культурных, эстетических предпочтений.

По мнению В. И. Сахарова, отказавшись от изображения крестьянства и «высшего класса» по причине незнания жизни того и другого [Гончаров 2000с: 260], писатель очертил для себя «узкое» художественное пространство [Сахаров 2008: 23]. Однако дворянство займет первенствующее положение в творчестве Гончарова, и уже самые ранние его произведения говорят об интересе к светскому обществу. Выходцу из купеческой семьи стоило немалых трудов воспитать в себе качества «порядочного человека», черты которого в дворянах закладывались с младенческих лет. В этом Гончаров признавался в письме своему приятелю И. И. Льховскому в июле 1853 г.: «Преимущества Ваши состоят между прочим и в том, что Вы сознательно воспитывались и сохранили в себе, по прекрасной ли своей аристократической натуре, или по обстоятельствам, первоначальную чистоту – этот аромат души и сердца, а я, если б Вы знали... чего стоило бедной моей натуре пройти сквозь фалангу всякой нравственной и материальной грязи и заблуждений... Я должен был с неимоверными трудами создавать в себе сам собственными руками то, что в других сажает природа или окружающие...» [Гончаров 1952d: 285].

Результатом не только исключительного трудолюбия, но и самовоспитания станет продвижение Гончарова по служебной и социальной лестнице от губернского секретаря в 1835 г. в провинциальном Симбирске до действительного

статского советника в 1863 г. и позднее члена Главного управления по делам печати. Это определит круг общения писателя: на протяжении многих лет рядом с ним окажутся люди высшего света, его дважды будут приглашать в качестве учителя в царский дом. Из живого, подвижного мальчугана Гончаров превратится, по словам актрисы М. Г. Савиной, в «старинного» милого барина «с тихой приятной речью», от всей фигуры которого веяло «порядочностью и приветливостью» [Савина 2012: 274].

Для молодого писателя светский человек – ориентир на пути самосовершенствования. Под очевидным влиянием книги Д. И. Соколова «Светский человек, или Руководство к познанию правил общежития» Гончаров напишет «Письма столичного друга к провинциальному жениху» (1848), в которых даст характеристику наиболее распространенных типов поведения человека в свете. Автор писем Чельский, выражая позицию самого писателя, откровенно иронически выскажется о большинстве его представителей, таких как фронт и лев, поскольку их жизнь подчинена лишь требованиям приличия и самолюбования. Более привлекательным для Чельского является человек хорошего тона, который, кроме наружных манер, отличается «и многими нравственными качествами» [Гончаров 1997b: 473]. Однако «за нравственность его я не поручусь» [там же: 476], – добавляет автор писем и заявляет: «Я могу поручиться вполне только за *порядочного человека*» [там же]. При этом порядочный человек – это совершенно добродетельный человек, «это герой... больше идеальный, возможный не вполне» [там же: 477]: «...Кто хочет жить между людей, и именно не простых, а цивилизованных людей, в избранном, изящном обществе на земле, тот неминуемо должен быть порядочным человеком» [там же: 480].

В повести «Счастливая ошибка» (1839) писатель впервые дает картину жизни большого света. Представление о свете здесь вполне традиционно: свет – это «особая, сравнительно замкнутая группа в дворянстве. <...> Требовалось безукоризненное “светское” воспитание, хорошие манеры, умение свободно держать себя и поддерживать легкий разговор на любую тему, достаточно правильно и бегло говорить по-французски, безукоризненно одеваться» [Беловинский 2007: 602–603]. Сюжет этой светской повести строится на случайной размолвке горячо любящих друг друга Елены Нейлейн и Егора Адуева, развязкой в ней служит случайная же встреча, приведшая к неожиданному примирению героев. Характеристика света в повести во всем соответствует грибоедовской [см. об этом: Краснощёко-

ва 1997: 40–44]: роскошь в обстановке, праздность и пресыщенность жизнью в светских гостиных, двуличие как обязательный атрибут воспитания девушки и молодого человека, оторванность от народной культуры. Егору Адуеву и его приятелям не чужды и шумные, чувственные светские утехы. Однако автор показывает и скрытые за всем этим девичью неопытность, чистоту Елены, страстные, искренние чувства Егора. По вине света герои могли стать несчастны. Однако комическая, пародийная интонация повести с самого начала позволяет читателю быть уверенным в том, что такового не случится.

Посмеяться над соответствующим жанру утомительно возвышенным стилем, преувеличенно контрастными чувствами героев автору помогает обращение к одному из неперенных атрибутов такого рода произведений, к образу судьбы. Все, что произошло с героями, – проказы судьбы. Автор предоставляет право судьбе распоряжаться их жизнью и счастьем, а сам намеренно отстраняется: «Кто же виноват? Помоему, никто. Если б судьба их зависела от меня, я бы разлучил их навсегда и здесь кончил бы свой рассказ» [Гончаров 1997с: 80–81]. Уже в «Счастливой ошибке» очевидно насмешливое отношение Гончарова к представителям света.

Почти одновременно со «Счастливой ошибкой» появится повесть «Лихая болезнь». Светское воспитание и нравственные качества ее героев автор не подвергает сомнению, хотя и смеется над их страстью к путешествиям. Известно, что прототипами героев были члены семьи Майковых, к которым Гончаров относился с особой симпатией и общество которых предпочитал любому другому на протяжении многих лет. Именно оно, в представлении писателя, и могло соответствовать характеристике «избранное, изящное общество», общество нравственных, светски воспитанных, образованных, эстетически развитых людей, имеющих широкие интеллектуальные интересы. Мечта о таком обществе как об идеале ощутима в подтексте всех произведений Гончарова.

В романе «Обыкновенная история» Петр и Александр Адуевы разными путями приходят в петербургский свет, но в том и другом случае очевидны нравственные потери на этом пути. В финале романа Гончаров как бы ставит вопрос о том, стоит ли этот мир таких жертв. Идеалу порядочного человека дядя и племянник, как и граф Новинский, Сурков, другие второстепенные персонажи, представляющие свет, не соответствуют, их можно назвать лишь людьми хорошего тона. Однако альтернативы светскому укладу жизни Гончаров не видит: в роман не случайно

введен рассказ о приобщении Александра к бездуховной и бессмысленной жизни мещанской среды в лице Костякова. Рядом с этим человеком, не равным «ему ни по уму, ни по воспитанию» [Гончаров 1997а: 393], Александр выучился «делать настойку, варить селянку и рубцы», он «так же усердно старался умертвить в себе духовное начало, как отшельники стараются об умерщвлении плоти» [там же]. Не менее бездуховным представляется автору и уклад жизни провинциального дворянства.

Уже в этом романе Гончаров склонен утверждать: «Сфера поведения – очень важная часть национальной культуры...» [Лотман 1994: 6]. Доказательством этому могут служить эпизоды романа, в которых Александр демонстрирует свое неумение или нежелание вести себя как светский человек. Один из таких эпизодов – встреча Александра на даче у Наденьки с графом Новинским. В манерах графа виделись «простота, изящество, какая-то мягкость. Он, кажется, расположил бы к себе всякого, но Адуева не расположил. Александр... сел в угол и стал смотреть в книгу, что было очень не светски, неловко, неуместно» [Гончаров 1997а: 271]. Очевидно, что в этой ситуации Александр нарушает «кодекс светского общения»: 1) вежливость, такт – «соблюдай интересы другого человека»; 2) одобрение, согласие – «не порицай другого человека», «избегай возражений»; 3) симпатии – «будь доброжелателен, приветлив» [Зельдович 2007: 16].

Своим поведением Александр компрометирует себя в глазах окружающих: его поведение веселит графа, «Надинька переглянула с матерью, покраснела и потупила глаза» [Гончаров 1997а: 271]. И герой вынужден признать свое поражение: он «оробел. Дерзкая и грубая мина уступила место унынию. Он походил на петуха с мокрым хвостом...» [там же: 273]. Сочувствуя герою, автор смеется над ним. Несмотря на сопротивление юного Александра установленным в свете правилам, в эпилоге романа он им подчинится.

В романе «Обломов» заглавный герой далек от света. Среди людей «хорошего тона» в гостиной тетки Ольги Ильинской ему неуютно, его поведение вызывает улыбку Ольги и автора. Из его уст читатель слышит критику светского образа жизни: «Свет, общество! <...> Чего там искать? интересов ума, сердца? <...> Все это мертвецы, спящие люди... <...> Собираются на обед, на вечер, как в должность, без веселья, холодно, чтоб похвастать поваром, салоном и потом под рукой осмеять, подставить ногу один другому» [Гончаров 1998: 173]. Штольц не может всерьез возразить Обломову. И в этом про-

изведении Гончаров не предлагает альтернативы свету: жизнь Обломовки и Выборгской стороны для Обломова губительна. Однако авторский вывод не столь однозначен: отказ Обломова от света оказывается спасителем для героя. Неизвестно, к каким духовным потерям привело бы его стремление превратиться в делового человека, но рядом с вдовой Пшеницыной он реализовался как нравственный человек: стал любимым мужем, добрым отцом чужим детям, продолжателем рода Обломовых, «оживил» «каменную Галатею» Агафью Матвеевну.

Роман «Обрыв» открывается картиной жизни петербургского света. Его обитатели увидены не только автором, но и героем, Райским. Он познал свет в ранней юности и разочаровался в нем. «Чудесный мир» общения светского молодого человека в Петербурге – «это мир – без привязанностей, без детей, без колыбелей, без братьев и сестер, без мужей и без жен, а только с мужчинами и женщинами» [Гончаров 2004: 89].

Во всех произведениях Гончарова образ жизни светского человека связан с образом города Святого Петра, имя которого означает «камень» [Жития Святых 1999: 683]. Александр Адуев видит Петербург в образе «каменной гробницы», в первом романе ясно звучит тема влияния на человека самого города-камня. В романе появляются герои, возможные только в петербургском свете – Аянов и Пахотин. Гончаров последовательно накладывает на характеристику Аянова приметы северной столицы: «Он принадлежал Петербургу и свету, и его трудно было бы представить себе где-нибудь в другом городе, кроме Петербурга, и в другой сфере, кроме света... <...> ...в нем отражались, как солнце в капле, весь петербургский мир, вся петербургская практичность, нравы, тон, природа, служба...» [Гончаров 2004: 6]. В петербургском свете есть свой «шалун» – Николай Васильевич Пахотин: «Свет, опыт, вся жизнь его не дали ему никакого содержания», но «образовали ему какой-то очень приятный мелкий умок...» [там же: 15]. Отпечаток однообразия и скуки, петербургской «окаменелости», «сна жизни» автор видит и в Софье Беловодовой, ее тетушках.

В «Обрыве» Гончаров находит альтернативу светскому обществу с его бездуховностью и окаменелостью: движение жизни, теплые отношения, добрые нравы, хранимые веками представления о чести и достоинстве дворянина теперь он связывает с провинцией. При этом бабушкина Малиновка – это созданный воображением Гончарова сад Эдем. Провинцию как таковую писатель все-таки не идеализирует: сон и скука и там одолеют Райского.

Очевидной и убедительной альтернативой свету станет изображенное Гончаровым, также с определенной долей идеализации, сообщество путешественников, русский мир, на фрегате «Паллада». Судьба подарила писателю возможность познакомиться и подружиться с офицерами и учеными, составлявшими кают-компанию фрегата. Т. И. Орнатская писала, что «почти каждого из ее членов можно было бы смело отнести к разряду “лучших людей” страны» [Орнатская 1994: 146]. В «Очерках путешествия» автор выражает к своим спутникам теплое дружеское участие, рассказ о многих из них согрет мягким юмором. В адмирале Е. В. Путятине, в командире фрегата И. С. Унковском, в К. Н. Посьете, В. А. Римском-Корсакове, П. А. Тихменёве, П. А. Зелёном, Н. Н. Савиче, А. А. Халезове, К. И. Лосеве, Н. А. Крюднере, А. А. Болтине, И. И. Бутакове, а также в штатских: О. А. Гошкевиче, архимандрите Аввакуме – Гончаров находит лучшие нравственные качества. Каждый из этих людей – профессионал в своем деле, однако едва ли не о каждом из них Гончаров мог бы сказать: «Он светский человек, а такие люди всегда мне нравились» [Гончаров 1997d: 57], его не смущает при этом то обстоятельство, что в свет не принимались профессионалы, кто жил «на заработки: ученые, преподаватели, в т. ч. профессора, артисты, художники, литераторы (кроме любителей) и т. п.» [Беловинский 2007: 603].

Офицеры фрегата покоряют Гончарова образованностью, интеллигентностью, добродушием, трудолюбием, отвагой, верностью требованиям долга и понятиям чести². Гончаров создает собирательный образ русского моряка, офицера, честно исполняющего свой долг, умелого и ответственного, образованного и благородного, обладающего тонким чувством юмора. Они по-братски любят рассказчика, всегда готовы помочь ему. Несомненно, что каждого из этих людей Гончаров мог бы назвать «порядочным человеком», а их общество охарактеризовать словами «избранное, изящное общество».

В отличие от петербургского света, русский мир на фрегате включает в себя не только представителей дворянства. Большая часть команды фрегата – матросы. Они изображены Гончаровым как члены той же большой семьи. Народный мир в очерках многолик, автор называет немало матросов, характеризуя каждого из них: музыкант Макаров, буфетчик Янцен, скотник Михелька Керн, артиллерист Дьюпин, камердинер барона Крюднера Афанасий, боцман Терентьев, матросы Паисов, Мотыгин, Агапка, Фёдоров, Витул и др. Гончаров не однажды с чувством гордости показывает, как матросы испол-

няют свою службу, приводя в восторг чужеземцев. Для путешественника это «одушевленная масса» [Гончаров 1997d: 334], за всеми действиями, словами и мыслями которой стоит глубокое патриотическое чувство, дорогое повествователю.

Мифологическое сознание матросов роднит их с детьми. Изображение матросов как «больших детей», которым необходима опека, помогает созданию образа большого семейства. На протяжении плавания чувство родственного, «семейного» единения с матросами и офицерами фрегата возрастает в душе автора. По ходу развития повествования во «Фрегате...» «я» рассказчика постепенно заменяется на «мы». Если в главе «Атлантический океан и остров Мадера» на тридцати одной странице «мы» встречается 53 раза, то в главе «От Манилы до берегов Сибири» на сорока девяти страницах – 136 раз³. Думается, это свидетельствует о том, что единение рассказчика с командой фрегата состоялось. В очерке «Два случая из морской жизни», дополняющем «Фрегат “Паллада”», Гончаров скажет, что на корабле «целое общество живет... одною жизнью, часто одною мыслию, одними желаниями» [Гончаров 2000а: 10–11], а в очерке «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании» пишет о том, что «дальнее плавание... введет плователя в тесное, почти семейное сближение с целым кругом моряков, отличных, своеобразных людей и товарищей» [Гончаров 2000b: 55].

В изображении Гончарова русских людей на корабле объединяет вера в Бога, священник на корабле – духовный отец. Такая миссия выпала на долю архимандрита Аввакума, образ которого проникнут глубокой авторской симпатией. Он соответствует представлениям писателя об идеале верующего человека: Гончаров «не требует от человека аскезы и максимальной самоотдачи и самопожертвования», предпочитает веру «младенческую» [Мельник 1995: 210, 204].

Образ русского мира в очерках Гончарова – это образ мира деятельного, героического. На фрегате офицеры работают наравне с матросами, их тяжелейший труд делает возможным поход в Японию на старом парусном фрегате: победа над разбушевавшейся стихией могла быть одержана только благодаря общим усилиям, «авральной» работе, братскому, соборному единению в ней матроса и офицера. Свой рассказ о плавании Гончаров заканчивает словами, проникнутыми глубоким чувством: «Но если б вы знали, что это за изящное, за благородное судно, что за люди на нем, так не удивились бы, что я скрепя сердце покидаю “Палладу!”» [Гончаров

1997d: 627]. Думается, что именно в этом произведении писатель находит то самое согласие с миром, народом, нацией, которое всегда жаждал обрести. Воспоминания о путешествии всегда были дороги Гончарову, долгое время он мечтал вернуться в «избранное, изящное общество», к которому приобщился на фрегате, даже в 58 лет вновь мечтал отправиться в плавание на военном корабле, о чем вел переписку с К. Н. Посьетом [Гончаров 2000с: 25].

Особенно дороги писателю воспоминания об этих людях оказались в 70-е годы, когда он оказался в очень тяжелой жизненной ситуации. Критика недоброжелательно встретила роман «Обрыв», о Гончарове заговорили как о писателе, отставшем от века. Он оставил службу и закрылся в своей холостяцкой квартире. Это обостряло чувство одиночества, собственной ненужности. В середине 70-х Гончаров напишет свое странное завещание – «Необыкновенную историю».

В 70-е гг. свобода критики стала символом новой эпохи. А. И. Журавлёва писала об этом: «...На фоне отечественных традиций и установлений, в контексте всей истории и идеологии русского самодержавия возможность гласной критики выглядела чем-то невероятным» [Журавлёва 1998: 15]. И это не способствовало сохранению традиций, повышению культуры человека, но вело к общественному разъединению, к обострению социальных конфликтов. Писатель видит, что с утратой уважительного отношения к образу жизни аристократии в 1860–1870-е гг. общество теряет и уважение к серьезному классическому образованию, вековой культуре, нравственному воспитанию. Как следствие этого Гончаров рассматривает то, что происходит в современном ему театре. В статьях «Опять “Гамлет” на русской сцене» и «Миллион терзаний» Гончаров говорит о «порче вкуса» публики, о низкой актерской культуре: «Большинство артистов не может также похвастаться... верным художественным чтением. <...> ...с русской сцены все более и более удаляется это капитальное условие» [Гончаров 1952b: 78]. В обеих статьях Гончаров высказывает опасения за судьбу русского театра.

В контексте этих раздумий автора объяснима та откровенно ностальгическая интонация, которая появляется в его очерке «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании» (1874), рассказывающем о тяжких испытаниях, выпавших на долю экипажа фрегата после того, как писатель высадился с него на российском берегу. Он задается вопросом: что помогло экипажу фрегата пережить землетрясение в Симодо, гибель корабля,

строительство шхуны «Хеда», долгие пешие переходы в чужой стране, тяжелейшее путешествие по Амуру и Сибири по пути на родину, и отвечает: стойкость и трудолюбие, сострадание, душевная щедрость, забота о ближнем, соборное единение перед лицом смерти. Рассказывая о том, что Россия вступила в войну, писатель говорит о русских людях как истинных патриотах, которые готовы затопить свой корабль, чтобы порох и пушки, находящиеся на нем, не достались врагу. О патриотизме Гончаров напишет и в «Необыкновенной истории»: «...Патриотизм – не только высокое, священное и т. д. чувство и долг, но он есть – и практический принцип, который должен быть присущ, как религия, как честность, как руководство гражданской деятельности, – каждому члену благородного общества, народа, государства!» [Гончаров 2000с: 256]. Очерк «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании» – это дань памяти людям, которые являли собой живой пример тех нравственных качеств, которые представлялись принадлежностью идеального героя писателя.

Очерк «Литературный вечер» (1877) стал попыткой Гончарова заявить о своем отношении к современной общественной и культурной ситуации. О том, что желание это было глубоко выношенным, свидетельствует и «Необыкновенная история», в которой намечена как бы схема этого очерка, обозначены его проблемы [см.: там же: 270–274]. Действие очерка разворачивается в гостиной высокопоставленного чиновника Уранова. На вечер приглашены не новые здесь лица: княгиня Тецкая с дочерью, «известная в свете вдова Лилина», «светская окаменелость» граф Пестов, близкие приятели хозяина – сослуживец Сухов и «отличный боевой генерал», – несколько молодых офицеров. Уранов с удовольствием «угощает» общество чтением романа из жизни высшего света, написанного ближайшим приятелем и сослуживцем Бебиковым. Великосветские гости Уранова, как и сам хозяин, изображены автором с известной долей юмора, о чем немало писали как критики, так и исследователи.

По случаю литературного чтения приглашены и «эксперты» в области литературы: «приятель Булгарина и Греча» старик Краснопёров; редактор журнала; «известный профессор словесности»; знаток политической и духовной жизни Трухин; апатичный пожилой беллетрист Скудельников, в котором, по признанию Гончарова, он изобразил самого себя. По просьбе хозяина развлечь публику его племянником приглашен газетный критик Кряков. Первая часть очерка представляет собой в основном пересказ романа Бебикова, превращенный Гончаровым в пародию,

о чем тоже писали критики и исследователи. Обсуждая услышанное во время прекрасного ужина, хозяин и его светские гости сходятся во мнении: роман хорош и автора надо поблагодарить старинным кубком работы Бенвенуто Челлини.

Однако Кряков высказывает несогласие с общим мнением, и между слушателями разгорается спор, который выходит за рамки принятых в свете норм общения, его участники едва не доходят до личных оскорблений. Кряков ведет себя как человек, не знающий «хорошего тона»: «жал в руках серую мягкую шляпу и, по-видимому, не знал, что с собой делать» [Гончаров 1952а: 116]; задел ногой за щипцы камина, которые упали с грохотом; ел и пил много и с большим аппетитом. Окружающих возмущают его дерзкие суждения и вызывающее поведение, некоторые из них желают дать ему «урок приличия» [там же: 145]. Однако герой отказывается ему следовать и говорит все смелее и смелее. На Крякова смотрят «брезгливо» [там же: 156], сравнивают его с невоспитанным медведем, с «паршивой» и «заблудшей» овцой [там же: 183]. Эти мнения подтверждаются авторскими сравнениями: «как бульдог» [там же: 158], «рыкал, как лев» [там же: 168] и др.

Реплики Крякова в споре носят провокационный характер. По его инициативе предметом обсуждения становятся вопросы политические, социальные, общественные, эстетические, нравственные, позиция Крякова – это позиция нигилиста, о чем писал еще Н. К. Михайловский [Михайловский 1880: 100]. Главным оппонентом Крякова становится умный, образованный старик Чешнёв, прототипом которого принято считать Ф. И. Тютчева⁴. Даже почти оскорбительные обвинения его Кряковым в шовинизме не могут вызвать Чешнёва на ответную бестактность, этот герой, несомненно, является воплощением представлений Гончарова о порядочном человеке, прекрасно воспитанном, глубоко мыслящем, обеспокоенном судьбой Отечества, истинном патриоте.

Оставляя за Скудельниковым право молчания, Гончаров выражает свою позицию устами либерально настроенных «знатоков литературы» и Чешнёва. Исследователи уже доказывали прямые совпадения ряда их суждений «о роли идеала, фантазии в искусстве, о тенденциозном романе, о русском языке, о реализме Л. Н. Толстого и др.» с высказываниями самого Гончарова [Чернец 1995: 192–193]. Однако до сих пор не вполне проясненной остается общественно-политическая позиция писателя. Очевидно, что автору очень дороги и близки слова Чешнёва о

духовной и бытовой культуре современного общества, о том, что «давно пора было поднять копьё против <...> всякой расшатанности и расстрепанности в людском обществе, против всякого звероподобия!» [Гончаров 1952а: 166]. Гончаров отстаивает классическое образование как необходимый фундамент для каждого культурного человека. Об этом также говорит его герой: «Пусть волчица и не кормила Ромула и Рема, а все-таки нельзя не выучить этой фабулы... <...> Без этой подкладки древних классиков, их образцов во всем – смело скажу, человек образованным назваться не может» [там же: 176].

Общественно-политическая позиция Гончарова выражена в очерке вполне однозначно: все присутствующие в гостиной Уранова, не исключая и «нигилиста» Крякова, не принимают авантюризм Бакунина и его «Панургова стада». Полемическим ответом писателя в их адрес являются слова Чешнёва: «Русский народ исполняет... свою великую и национальную и человеческую задачу... в ней ровно и дружно работают все силы великого народа, от царя до пахаря и солдата! Когда все тихо, покойно, все, как муравьи, живут, работают, как будто вразброд... но лишь только явится туча на горизонте, загремит война, постигнет Россию зараза, голод – смотрите, как соединяются все нравственные и вещественные силы... <...> Перед вами уже не графы, князья, военные или статские, не мещане или мужики – а одна великая, будто из несокрушимой меди вылитая статуя – Россия!» [там же: 169]. Монолог героя в полной мере отражает давно сложившиеся представления писателя о русской нации. Ту же мысль находим в «Необыкновенной истории»: «Но против узкого и эгоистического радикализма юношей-недоучек, против партий действия санкюлотов – общество вооружено здравомыслием, зрелостью и всякою, то есть и моральною, интеллектуальною и вещественною силою – и разливу этих крайних безобразий радикализма помешают – все и все» [Гончаров 2000с: 271].

Эти суждения согласуются с исторической концепцией Гончарова: в отличие от многих современников, в 70-е годы он оптимистично смотрит в будущее и достаточно ясно высказывает это в письмах и статьях. Писатель считал, что с приходом к власти Александра II Россия «переживает великую эпоху реформ: такой эпохи, такой великой работы всего царства не было с Петра» [Гончаров 1952с: 128]. Гончаров верит, что на смену романтикам и идеалистам в настоящее время приходят деловые, знающие, целеустремленные люди и приветствует их в образе деятельного и сердечного Тушина.

Неожиданный финал очерка, в котором обнаруживается, что Кряков – это не нигилист, а известный актер, критиками и исследователями был назван «водевильным»⁵. Однако Михайловский оценил его как оптимистический: увидел в нем единение «отцов» и «детей», под которыми разумел Чешнёва и Крякова. В финале эти герои «расстаются со всеми признаками взаимного уважения» [Михайловский 1880: 101]. Действительно, финал служит как бы подтверждением возможности духовного единения нации: актер дает урок великосветским гостям Уранова, наглядно доказывая, что «порядочность есть везде, она бывает и под армяком!» [Гончаров 1952а: 159]: денежный сбор за свое представление он жертвует в пользу герцоговинец. И великосветские гости Уранова вынуждены признать, что этот честный труженик морально превзошел их. Примирение происходит – герои с радостью протягивают друг другу руку. Однако наиболее консервативно мыслящие представители света («приятель Булгарина и Греча» Краснопёров и «светская окаменелость» граф Пестов) не посещают спектакль в Павловске, они отпадают от того общенационального единства, к которому призывает Гончаров. Думается, в 70-е гг. писатель стремился примирить понятие «избранное, изящное общество» с понятием «свет» и разделял убеждение Пушкина в том, что «люди света проще и потому ближе к народу» [Лотман 1983: 347]. Сам Гончаров мог бы служить примером такой близости: вполне осознавая себя представителем лучшей части светского общества, в 1877 г. он принял на себя заботу о семье умершего слуги Трейгута.

Заключая, хотелось бы отметить, что обращение к анализу не только эпически уравновешенных романов Гончарова, но и его публицистически взволнованных очерков и статей позволило нам уточнить представления писателя о светском обществе, показать, что уже в конце 40-х гг., в противовес свету, он считал возможным существование идеального, «избранного, изящного общества». В романах альтернативы свету автор не предлагает. «Избранным, изящным обществом» для писателя стал «русский мир», единение светски воспитанных, профессионально образованных офицеров и простых матросов на фрегате «Паллада». В этих людях он увидел лучшие человеческие качества, глубокое патриотическое чувство. В трудные для России 70-е годы, в эпоху активных нападков на аристократию со стороны демократического лагеря, Гончаров не оставляет веры в положительное значение людей света для культурной, общественной и политической жизни страны, веры в успех реформ Алек-

сандра II при условии духовного единения прогрессивно настроенных представителей аристократии и демократического большинства.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

² Ничем не подкреплено мнение некоторых исследователей об отрицательном отношении рассказчика к большей части офицеров фрегата. См., например: [Михельсон 1965].

³ Сделанные наблюдения позволяют возразить П. П. Алексееву, который пишет: «Гончаров на протяжении всей книги не говорит *мы*, но все повествование выдержано в безусловном и цельном качестве я» [Алексеев 2008: 53].

⁴ Такое предположение высказал К. Военский, опубликовавший письма Гончарова к Валуеву: [Гончаров 1906: 45].

⁵ См., например: [Венгеров 1880: 443; Чернец 1995: 191].

Список литературы

Алексеев П. П. Цивилизационный аспект русской духовности во «Фрегате “Паллада”» И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы международной научной конференции, посвящ. 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: ООО НИКА-дизайн, 2008. С. 38–54.

Беловинский Л. В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в. М: Эксмо, 2007. 783 с.

Гончаров И. А. Два случая из морской жизни // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2000а. Т. 3. С. 5–25.

Гончаров И. А. Из воспоминаний и рассказов о морском плавании // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2000б. Т. 3. С. 26–55.

Гончаров И. А. Литературный вечер // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1952а. Т. 7. С. 106–185.

Гончаров И. А. Мильон терзаний // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1952б. Т. 8. С. 51–79.

Гончаров И. А. Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв» // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1952с. Т. 8. С. 124–134.

Гончаров И. А. Необыкновенная история: (Истинные события) // Литературное наследство. Т. 102: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000с. С. 184–326.

Гончаров И. А. Обыкновенная история // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1997а. Т. 1. С. 172–469.

Гончаров И. А. Обломов // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1998. Т. 4. С. 5–493.

Гончаров И. А. Обрыв // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 7. С. 5–772.

Гончаров И. А. Письма столичного друга к провинциальному жениху // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997б. Т. 1. С. 470–483.

Гончаров И. А. Письмо к И. И. Лъховскому // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1952д. Т. 8. С. 283–286.

Гончаров И. А. Счастливая ошибка // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997с. Т. 1. С. 65–102.

Гончаров И. А. Фрегат Паллада // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997д. Т. 2. С. 7–740.

Жития Святых / сост. священник и законоучитель Иоанн Бухарев. М.: Отчий дом, 1999. 694 с.

Журавлёва А. И. Правда – хорошо, а счастье лучше // Литература в школе. 1998. № 3. С. 12–18.

Зельдович Б. З. Деловое общение. М.: Альфа-Пресс. 2007. 452 с.

И. А. Гончаров в неизданных письмах к графу П. А. Валуеву. 1877–1882. СПб.: Типография Воейкова, Бассейная, 3. 1906. 64 с.

Краснощекова Е. А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 398 с.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.

Мельник В. И. О религиозности И. А. Гончарова // Русская литература. 1995. № 1. С. 203–212.

Михельсон В. А. Закованные берега: Этюды о «Фрегате “Паллада”» И. А. Гончарова // Морская тема в литературе. Краснодар, 1965. С. 24–56.

Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров – романист и художник. М.: МГУ, 1992. 176 с.

Н. М. [Михайловский Н. К.] Литературные заметки // Отечественные записки. 1880. № 1. С. 94–107.

Орнатская Т. И. И. А. Гончаров – член кают-компании фрегата «Паллада» // И. А. Гончаров. Материалы Международной конференции, посв.

180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: ТОО «Стрежень», 1994. С. 146–155.

Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 168 с.

Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962. 228 с.

Савина М. Г. Записки. И. А. Гончаров // Гончаров в воспоминаниях современников. Ульяновск: ООО «Регион-Инвест», 2012. С. 273–276.

Сахаров В. И. И. А. Гончаров в жизни и творчестве. М.: Русское слово, 2008. 112 с.

С-В. [Венгеров С. А.] Новое произведение И. А. Гончарова. Литературный Вечер, очерк (Русская Речь, январь, 1880) // Русский вестник. 1880. № 1. С. 440–462.

Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 491 с.

Чернец Л. В. «Как слово наше отзовется...». М.: Высшая школа, 1995. 239 с.

References

Alekseev P. P. Tsivilizatsionnyy aspekt russkoy dukhovnosti vo 'Frigate 'Pallada'' I. A. Goncharova [Civilizational aspect of the Russian spiritual life in 'Frigate 'Pallada' by I. A. Goncharov]. *I. A. Goncharov: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posv. 195-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova* [I. A. Goncharov: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 195th anniversary of the birth of I. A. Goncharov]. Ulyanovsk, NIKA-dizayn Publ., 2008. pp. 38–54. (In Russ.)

Belovinskiy L. V. *Illyustrirovannyi entsiklopedicheskiy istoriko-bytovoy slovar' russkogo naroda. 18 – nachalo 20 v.* [The illustrated encyclopedic dictionary of the history of Russian people's everyday life. The 18th – the beginning of the 20th centuries]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 783 p. (In Russ.)

Goncharov I. A. Dva sluchaya iz morskoy zhizni [Two cases from the marine life]. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and correspondence: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000a, vol. 3, pp. 5–25. (In Russ.)

Goncharov I. A. Iz vospominaniy i rasskazov o morskoy plavaniy [From memoirs and stories about sea voyage]. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and correspondence: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000b, vol. 3, pp. 26–55. (In Russ.)

Goncharov I. A. Literaturnyy vecher [Literary soiree]. Goncharov I. A. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collection of works: in 8 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1952a, vol. 7, pp. 106–185. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Mil'on terzaniy* [Myriad of agonies]. Goncharov I. A. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [A collection of works: in 8 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1952b, vol. 8, pp. 51–79. (In Russ.)

Goncharov I. A. Namereniya, zadachi i idei romana 'Obryv' [Intentions, tasks and ideas of the novel 'Precipice']. Goncharov I. A. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collection of works: in 8 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1952c, vol. 8, pp. 124–134. (In Russ.)

Goncharov I. A. Neobyknovennaya istoriya: (Istinnye sobytiya) [An uncommon story (True events)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000c, vol. 102. I. A. Goncharov. *Novye materialy i issledovaniya* [I. A. Goncharov. New materials and research], pp. 184–326. (In Russ.)

Goncharov I. A. Obyknovennaya istoriya [A common story]. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and correspondence: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997a, vol. 1, pp. 172–469. (In Russ.)

Goncharov I. A. Oblomov [Oblomov]. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and correspondence: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998, vol. 4, pp. 5–493. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Obryv* [Precipice]. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and correspondence: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, vol. 7, pp. 5–772. (In Russ.)

Goncharov I. A. Pis'ma stolichnogo druga k provintsial'nomu zhenikhu [Letters of a friend from the capital to the provincial fiancée]. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and correspondence: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997b, vol. 1, pp. 470–483. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Pis'mo k I. I. L'khovskomu* [A letter to L'khovskiy]. Goncharov I. A. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collection of works: in 8 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1952d, vol. 8, pp. 283–286. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Shchastlivaya oshibka* [A lucky mistake]. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and correspondence: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997c, vol. 1, pp. 65–102. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Fregat Pallada* [Frigate 'Pallada']. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and correspondence: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997d, vol. 2, pp. 7–740. (In Russ.)

Zhitiya svyatykh [The lives of the saints]. Comp. by the priest and catechist I. Bukharev. Moscow, Otchiy dom Publ., 1999. 694 p. (In Russ.)

Zhuravleva A. I. 'Pravda – khorosho, a shchast'e luchshe' ['Truth is good, but happiness is better']. *Literatura v shkole* [Literature at School], 1998, issue 3, pp. 12–18. (In Russ.)

Zel'dovich B. Z. *Delovoe obshchenie* [Business communication]. Moscow, Al'fa-Press, 2007. 452 p. (In Russ.)

I. A. Goncharov v neizdannyykh pis'makh k grafu P. A. Valuevu. 1877–1882 [I. A. Goncharov in unpublished letters to Count P. A. Valuev. 1877–1882]. St. Petersburg, Publishing House of Voeykov Publ., 1906. 64 p. (In Russ.)

Krasnoshchekova E. A. *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva* [Ivan Alexandrovich Goncharov: The world of creative work]. St. Petersburg, Pushkinskiy fond Publ., 1997. 496 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (18 – nachalo 19 veka)*. [Talking about Russian culture: Mode of life and traditions of Russian nobility (the 18th – the beginning of the 19th centuries)]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 1994. 398 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Roman A. S. Pushkina 'Evgeniy Onegin'. Kommentariy*. [The novel by A. S. Pushkin 'Eugene Onegin'. Commentary]. Leningrad, Prosveshcheniye Publ., 1983. 416 p. (In Russ.)

Mel'nik V. I. *O religioznosti I. A. Goncharova* [On the religiousness of I. A. Goncharov]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1995, issue 1, pp. 203–212. (In Russ.)

Mikhelson V. A. *Zakovannyye berega: Etyudy o 'Fregate 'Pallada'' I. A. Goncharova* [The chained shores: Essays on the 'Frigate 'Pallada' by I. A. Goncharov]. *Morskaya tema v literature* [Marine theme in literature]. Krasnodar, 1965, pp. 24–56. (In Russ.)

Nedzvetskiy V. A. *I. A. Goncharov – romanist i khudozhnik* [I. A. Goncharov as a novelist and an artist]. Moscow, Moscow State University Press, 1992. 176 p. (In Russ.)

N. M. [Mikhaylovskiy N. K.] *Literaturnye zametki* [Literary notes]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 1880, issue 1, pp. 94–107. (In Russ.)

Ornatskaya T. I. I. A. Goncharov – chlen kayut-kompanii fregata 'Pallada' [I. A. Goncharov as a wardroom member on the 'Pallada' frigate]. *I. A. Goncharov. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posv. 180-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova* [I. A. Goncharov. Proceedings of the International conference dedicated to the 180th anniversary of the birth of I. A. Goncharov]. Ulyanovsk, 'Strezhen'' Publ., 1994, pp. 146–155. (In Russ.)

Otradin M. V. *Proza I. A. Goncharova v literaturnom kontekste* [The prose of I. A. Goncharov in literary context]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1994. 168 p. (In Russ.)

Prutskov N. I. *Masterstvo Goncharova-romanista* [The art of Goncharov as a novelist]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1962. 228 p. (In Russ.)

Savina M. G. *Zapiski. I. A. Goncharov* [Notes. I. A. Goncharov]. *Goncharov v vospominaniyakh sovremennikov* [Goncharov in the memoirs of contemporaries]. Ulyanovsk, 'Region-Invest' Publ., 2012, pp. 273–276. (In Russ.)

Sakharov V. I. *I. A. Goncharov v zhizni i tvorchestve* [Goncharov in life and in work]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2008. 112 p. (In Russ.)

S-V. [Vengerov S. A.] *Novoe proizvedenie I. A. Goncharova. Literaturnyy vecher, ocherk (Russkaya Rech', yanvar', 1880)* [A new work by I. A. Goncharov. Literary soiree, an essay (Russian Speech, January, 1880)]. *Russkiy vestnik* [Russian Herald], 1880, issue 1, pp. 440–462. (In Russ.)

Tseytlin A. G. *I. A. Goncharov* [I. A. Goncharov]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1950. 491 p. (In Russ.)

Chernets L. V. *'Kak slovo nashe otzovetsya...'* ['What our word will call forth...']. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1995. 239 p. (In Russ.)

HIGH SOCIETY IN THE NOVELS AND ESSAYS BY I. A. GONCHAROV

Nina L. Ermolaeva

Grant Project Participant

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russian Federation. ninaermolaeva1@yandex.ru

SPIN-code: 6600-7972

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6759-3590>

Submitted 06.07.2020

In his *An Uncommon Story*, written in the mid-1870s, I. A. Goncharov stated that he had never depicted high society because he had not known it. Meanwhile, all of his literary works were devoted to the nobility, and most of them represent the image of a noble man in this or that way. The interest in high society was natural for the writer of non-noble descent because of his wish to fit the image of noble man and to carve a career. The studies of Goncharov's works still lack special research that could show the peculiarities of the writer's understanding of high society, the evolution in the way he depicts it and in his attitude to it. The present article is an attempt to fill this gap. For this purpose, the paper analyzes not only the epic novels of the writer but also his essays and articles, where his opinion is stated fairly clearly. A comparison of literary and publicistic works of the writer allowed us to draw a conclusion that in the late 1840s I. A. Goncharov had an idea of ideal society, which was different from the commonly accepted idea of high society. He called it 'select and refined society' and always wanted to be part of it. The novels of the writer show the evident negative attitude to high society of both the author and his idealistic characters – Alexander Aduiev, Oblomov, Rayskiy, though I. A. Goncharov did not offer any alternative to this society. I. A. Goncharov found his 'select and refined society' on board the frigate 'Pallada'. It united officers, with their good breeding and professional education, and common sailors into one family, the Russian world, due to their deep patriotic feeling, sincere doing the duty and the belief in God. In the hard 1870s, the writer retained the trust in the reforms of Alexander II and in the possibility to integrate the progressively thinking members of high society and the democratic majority through those reforms.

Key words: I. A. Goncharov; high society; culture; novel; individuality; essay; article; 'Russian world'; national unity.